

М. И. МЕЛЬТЮХОВ

Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941

<Фрагменты>

<...>

Деятельность разведывательных органов СССР всегда была окружена завесой секретности, и их история тоже остается тайной. Накануне войны, как утверждает отечественная историография, несмотря на ослабление репрессиями, советская разведка располагала многими ценными сведениями о намерениях Германии и о подготовке нападения на СССР. Однако И. В. Сталин не верил этой информации, поскольку верил Гитлеру и в силу договора о ненападении, стремился оттянуть войну, которой боялся, не давая Германии повода для нападения. В результате советское руководство не смогло правильно определить сроки возможного нападения, что и привело к трагедии 1941 г. Исследователи дружно осуждают Сталина, пренебрегшего важной развединформацией, однако только В. М. Кулиш поставил вопрос, почему же Сталин ошибался, если ему все это было известно. Ответ на него, как правило, давался, исходя из политической конъюнктуры. Для «хрущевского» периода характерно возложение вины за это на Сталина, а для «брежневского» — на наличие противоречивых разведданных, которые дезориентировали Сталина. До сих пор доступные исследования, как правило, посвящены судьбам отдельных разведчиков или эпизодам разведывательной работы. Любые общие вопросы истории советской разведки все еще остаются в тени.

Ныне стало известно, что в СССР разведывательной деятельностью занимались минимум 5 ведомств — наркомат обороны (НКО), наркомат военно-морского флота (НК ВМФ), наркомат внутренних дел (НКВД) (с февраля 1941 г. наркомат государственной безопас-

ности (НКГБ)), наркомат иностранных дел (НКВД) и Коминтерн. В их деятельности имелась своя специфика, а история их разведок известна лишь в самых общих чертах <...>.

<...> Имеющиеся в отечественной историографии данные о состоянии советской разведки накануне войны слишком фрагментарны. Несколько больше известно о результатах деятельности разведорганов. Правда, анализ документальных публикаций последних лет свидетельствует об их определенной тенденциозности. Как правило, подбираются те документы, которые содержат сведения, подтвержденные последующими событиями и послевоенными исследованиями. Опубликованные разведдонесения служат иллюстрацией тезиса о том, что разведка честно делала свое дело. Эти материалы в свое время появились для подтверждения версии о вине Сталина, не реагировавшего на тревожные донесения, и до сих пор используются для этой цели. Однако в момент получения этих данных все было не столь однозначно... В историографии отсутствуют исследования самих разведданных с точки зрения их достоверности и объективности, а выборочная публикация искажает картину предвоенных разведывательных материалов, так как менее достоверные сведения остаются неизвестными. Кроме того, и опубликованные материалы далеко не всегда соответствовали действительности и содержали взаимоисключающую информацию. Поэтому прежде всего следует оценить имеющиеся в нашем распоряжении разведданные с точки зрения их достоверности.

В литературе можно встретить утверждения, что «материал об основных положениях плана “Барбаросса”, утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву». К сожалению, это не соответствует действительности. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков доложил в Москву о том, что «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений». Естественно, что, получив это донесение, Москва потребовала «более внятного освещения вопроса». 4 января 1941 г. из Берлина пришло подтверждение достоверности этой информации, основанной «не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам». Однако источник сам не видел этого документа, и в его сообщении содержались следующие сведения: «Подготовка

наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке». К тому же в повторном сообщении речь шла уже не о марте, а о весне 1941 г.

Сам по себе этот факт является крупной удачей советской разведки, но следует отметить, что эта информация была неточна. 18 декабря Гитлер не отдавал приказа о подготовке войны с СССР (он сделал это еще в июне — июле 1940 г.), а подписал стратегический план войны с СССР — основной документ дальнейшего военного планирования. Сведения о возможном начале войны в марте 1941 г. после вывода из войны Англии были безусловной дезинформацией, так как в директиве № 21 «Барбаросса» был указан примерный срок завершения военных приготовлений — 15 мая 1941 г. и подчеркивалось, что СССР должен быть разгромлен «еще до того, как будет закончена война против Англии». Таким образом, советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось неизвестным, как и кодовое слово «Барбаросса». Поэтому более правы авторы, просто пересказывающие донесение советского военного атташе.

Имеющиеся материалы не подтверждают версию о том, что советской разведке «удалось раскрыть замысел германского командования» и «своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии» <...>.

<...> Приведенные в докладе материалы давали слишком мозаичную и противоречивую картину, а сведения об англо-германских переговорах, казалось бы, подтверждали вышеприведенный вывод Голикова. Зная дальнейшее развитие событий, современные исследователи могут точно указать, какие сведения соответствовали действительности, а какие — нет, но в момент составления этого документа советская разведка не обладала такими знаниями и в меру своих возможностей старалась из всего потока информации выявить достоверную <...>.

<...> Одной из целей советской разведки накануне войны было выявление военных приготовлений Германии, сосредоточения войск на границах СССР и определение их количества. Опубликованные в последние годы материалы позволяют в целом проследить результаты этой работы.

В работе советской разведки большую роль играли оценочные данные о германском военном потенциале. К сожалению, они, как правило, были значительно завышены. Так, в конце 1938 г., по оценке Разведуправления, вермахт располагал 7300 танками и 5160 самолетами. В действительности на 1 сентября 1939 г., т. е. спустя 8 месяцев, германские вооруженные силы насчитывали 3474 танка и 4288 самолета. Ставшие основой дальнейших расчетов, эти завышенные оценки постоянно возрастали. Так, по последующим оценкам, самолетный парк германских ВВС достиг к октябрю 1939 г. 5500–6000 самолетов, хотя в реальности на 1 октября люфтваффе насчитывали всего 4756 самолетов. Производственные же мощности германской авиапромышленности, наоборот, занижались. Например, среднемесячная производительность в 1939 г. по этим оценкам составляла 330–350 самолетов, вместо действительных 690 самолетов <...>.

<...> Введение в научный оборот О. В. Вишлевым материалов германских архивов поставило перед исследователями новую интересную проблему, связанную с деятельностью советской разведки по дезинформации Германии. Прежде всего речь идет о целенаправленной демонстрации советским руководством миролюбия и готовности к дальнейшим взаимовыгодным экономическим отношениям с Германией. Сюда можно отнести усиленные поставки в Германию в марте-апреле 1941 г., экономические соглашения с Германией и оккупированными ею странами, дружественный жест Сталина в адрес Германии во время проводов из Москвы 13 апреля 1941 г. министра иностранных дел Японии¹, закрытие дипломатических представительств оккупированных Германией европейских стран, установление дипломатических отношений с антианглийским правительством Ирака, предложения о новых экономических соглашениях. В середине мая Германию уведомили о стремлении Сталина прибыть в Берлин для переговоров о присоединении к Тройственному пакту. В мае 1941 г. проходили советско-германские консультации по Ближнему Востоку.

Чтобы объяснить советские военные приготовления, до сведения Берлина была доведена версия о расколе между политическим и военным руководством СССР по вопросу об отношениях с Германией. Военные якобы настаивали на ужесточении советской политики, и под их нажимом Сталин был вынужден проводить некоторые военные мероприятия. Чтобы оттянуть часть германской группировки из южных районов Польши, Берлину внушалась мысль

о сосредоточении основных сил Красной Армии против Восточной Пруссии, где в случае войны и развернутся главные события. Тем самым Москва, как и Берлин, использовала для дезинформации противника устаревшие военные планы. Германии намекали, что её военные приготовления в Восточной Европе укрепляют в советском руководстве антигерманские настроения, тогда как Сталин является гарантом прогерманского курса Кремля. В середине мая Германию уведомили о стремлении Сталина прибыть в Берлин для переговоров о присоединении к Тройственному пакту. Вместе с тем по разным каналам советская сторона доводила до Берлина свое непоколебимое намерение защищать собственные интересы. В апреле 1941 г. германской авиационной делегации для демонстрации силы были показаны советские авиапредприятия. В мае-июне были инициированы слухи о подготовке советских ВВС в случае нападения Германии к нанесению ударов по Берлину, о возможном применении химического и бактериологического оружия. Демонстрируя Германии опасность войны с СССР и на два фронта, Москва пыталась усадить ее за стол переговоров.

Однако Гитлеру докладывались в основном те материалы, которые не противоречили его мнению о том, что СССР — «колосс на глиняных ногах». В результате германское руководство не представляло себе всей сложности будущего похода на Восток, ожидая быстрых побед. Германская разведка также не сумела установить численность советских войск <...>.

<...> Одним из постоянных сюжетов отечественной историографии является версия о ценнейших материалах Р. Зорге, которые не были приняты во внимание Сталиным. Однако даже выборочно опубликованные донесения Зорге показывают, что в них много неточных и противоречивых сведений о намерениях Германии. Получая информацию в германском посольстве в Японии, Зорге невольно стал каналом распространения германской дезинформации <...>.

<...> Анализ доступных материалов по истории советской разведки накануне войны показывает, что, несмотря на наличие довольно развитой разведсети, она не смогла добыть и представить руководству материалы, которые давали бы однозначный ответ на вопрос о намерениях Германии летом 1941 г. В такой же ситуации оказались и разведки других великих держав, поэтому вряд ли стоит, как это делает Ю. А. Горьков, утверждать, что советская разведка работала плохо как до войны, так и в ее начале.

Скорее, ближе к истине мнение В. Сахарова, который считает, что агенты добыли максимально возможный объем информации. Но в условиях целенаправленной дезинформации и высокоэффективных мер по сохранению секретности, проводимых германскими спецслужбами, эта информация оказалась слишком противоречивой. Слабость аналитического аппарата спецслужб в Москве не позволила сузить поступление германской дезинформации в Кремль, что в итоге дезориентировало советское руководство. Гораздо больших результатов советской разведке удалось добиться в Англии, США и Японии, где существовали возможности доступа агентов к правительственным документам. Вместе с тем советским спецслужбам удалось эффективно скрыть от Германии не только наличные силы Красной Армии, но и проведение большей части военных мероприятий в мае-июне 1941 г. Не менее всеохватывающей, чем германская, была и дезинформационная деятельность советской разведки, хотя, к сожалению, ее результаты не повлияли на действия Берлина. Думается, что германским и советским спецслужбам лучше удалось скрывать свои секреты, нежели раскрывать чужие.

<...>

<...> Важной проблемой истории советских вооруженных сил накануне войны является вопрос о последствиях репрессий в офицерском корпусе. К сожалению, эта тема до сих пор широко используется в политико-идеологической борьбе, и, как уже было показано в литературе, несмотря на значительное количество исследований, все еще далека от окончательного решения <...>.

<...> Скорее всего, причиной репрессий была борьба внутри руководства Наркомата обороны за власть. Тем более что, как стало известно, в мае 1936 г. Тухачевский и его сторонники уже ставили перед Политбюро вопрос об отставке Ворошилова с поста наркома. Таким образом, заговор в Красной Армии существовал, но не «антисоветский», а «антиворошиловский». Думается, все эти противоречия диктуют необходимость изучения вопросов о наличии разных группировок среди высшего комсостава, их влиянии на политическое и военное руководство. Этот впервые довольно четко сформулированный в работе В. Суворова аспект проблемы ввиду отсутствия документальных источников пока еще не может быть освещен сколько-нибудь удовлетворительно. С. Т. Минаков указывает, что в высшем комсоставе РККА имелась довольно широкая оппозиция наркому обороны Ворошилову, но не было

согласия в вопросе о его преемнике. Все это вело к тому, что у каждого претендента на этот пост (Тухачевского, А. И. Егорова, И. Э. Якира) была своя группа сторонников, кроме того их разделяли различные взгляды на военные проблемы. Военная элита, как обычно, требовала новых средств на армию, но не могла договориться об их распределении и использовании. Для Сталина снятие Ворошилова с поста наркома означало бы сокращение его власти и было совершенно неприемлемо. В итоге ситуация позволяла Сталину и Ворошилову сыграть на противоречиях среди военных, что они и сделали.

Видимо, правы авторы, считающие, что целью репрессий в армии было создать послушный и преданный Сталину военный механизм, сделав комсостав марионеткой в руках политического руководства. В этом случае «очевидно, что основной причиной уничтожения руководства армии явились опасения, что оно может попытаться играть самостоятельную политическую роль, угрожая тем самым положению Сталина, как единственного вождя армии и народа. Поскольку Тухачевский «осмелился поставить вопрос о смене военного руководства (Ворошилова — члена Политбюро)», это свидетельствовало о том, что «он мог создать потенциальную независимую от правительства военную силу». Если рассматривать чистку офицерского корпуса как борьбу политического руководства за полный контроль над армией, то следует отметить, что эта цель была достигнута, поскольку «репрессии приучили командование не выступать с инициативами кардинального характера, затрагивавшими политические интересы государства или расстановку сил в руководстве».

В литературе преобладает мнение, что именно репрессии в Красной Армии привели к ее ослаблению и были одной из главных причин неудач в начале войны. Обычно к последствиям репрессий относят снижение качества офицерского корпуса в результате устранения опытных офицеров, частых перемещений по службе, создания дефицита военных кадров, снижения образовательного уровня комсостава, особенно высшего. Правда, следует отметить, что частые перемещения по службе и дефицит военных кадров были порождены не столько репрессиями, сколько техническим переоснащением, организационным совершенствованием и форсированным развертыванием новых частей и соединений Красной Армии. Этот процесс нарастал как минимум с 1935 г., когда начался перевод советских вооруженных сил на кадровую

систему комплектования. При этом основные организационные мероприятия пришлось на 1937–1938 гг. <...>.

<...> В это время на командные должности в РККА пришли не «зеленые лейтенанты» (как утверждает общепринятая оценка), а опытные (хотя и молодые) военачальники. Кстати говоря, версия о смене репрессированных военачальников «молодыми» офицерами не соответствует действительности. Так, в высшем комсоставе происходила не смена поколений, а замена одних военачальников другими из того же поколения. Как отмечает Г. Герасимов, «сегодня невозможно с уверенностью сказать, кто лучше командовал бы войсками: расстрелянные военачальники или те, кто в конце концов выиграл войну. Но по основным объективным показателям последние не уступали своим репрессированным предшественникам». Более того, образовательный уровень высшего комсостава даже возрос, поскольку «число назначенных, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45%». Наличие диаметрально противоположных оценок свидетельствует прежде всего о слабой изученности этой проблемы, об отсутствии у исследователей четких критериев для выводов и доступного документального материала для изучения <...>.

<...> Комплексное рассмотрение исследований по вопросу о репрессиях в Красной Армии показывает, что широко распространенная версия об их катастрофических для армии последствиях так и не была доказана и требует дальнейшего тщательного изучения. Все еще остаются слабо исследованными вопросы о месте 1937–1938 гг. в системе чисток офицерского корпуса РККА, их связи с планами Сталина в отношении армии, боевой и политической подготовкой комсостава и реальной боеготовностью Красной Армии накануне войны. Пока все эти проблемы содержат гораздо больше вопросов, чем ответов. Центральный же из них — последствия репрессий для боеготовности Красной Армии — пока не может считаться окончательно решенным, поскольку не были сформулированы объективные научные критерии для его решения и исследователи не получили доступа к необходимому документальному материалу.

<...>

Поскольку стратегическое сосредоточение и развертывание войск является заключительной стадией подготовки к войне, особый интерес представляет вопрос об определении возможного срока советского нападения на Германию. В отечественной историографии

эта тема начала обсуждаться с публикацией скандально известной работы В. Суворова «Ледокол», который называет «точную» дату запланированного советского нападения на Германию — 6 июля 1941 г., фактически ничем не обоснованную.

<...> Как отмечалось выше, первоначально нападение на Германию было запланировано на 12 июня 1941 г. Видимо, не случайно приказ наркома обороны № 138 от 15 марта 1941 г., вводивший в действие «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время», требовал к 1 мая 1941 г. «снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени» <...>.

<...> Опасаясь возможного прекращения англо-германской войны, в Кремле сочли необходимым повременить с нападением на Германию. Лишь получив сведения о провале миссии Гесса и убедившись в продолжении англо-германских военных действий в Восточном Средиземноморье, в Москве, видимо, решили больше не откладывать осуществление намеченных планов. Как уже отмечалось, 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совершенно секретное совещание военно-политического руководства, на котором, вероятно, и был решен вопрос о новом сроке завершения военных приготовлений. К сожалению, в столь серьезном вопросе мы вынуждены ограничиться этой рабочей гипотезой, которую еще предстоит подтвердить или опровергнуть на основе привлечения новых, пока еще недоступных документов.

Была ли вообще запланирована точная дата? Только комплексное исследование документов, отражающих как процесс военного планирования, так и проведение мер по подготовке наступления, позволит дать окончательный ответ на этот вопрос. Вместе с тем известные историкам даты проведения этих мероприятий не исключают того, что все же такая дата определена была. По мнению В. Н. Киселева и В. Д. Данилова, наступление Красной Армии было возможно в июле 1941 г. В доступных документах, отражающих процесс подготовки Красной Армии к войне, указывается, что большая часть мер по повышению боеготовности войск западных приграничных округов должна была быть завершена к 1 июля 1941 г. К этому дню планировалось закончить формирование всех развертываемых в этих округах частей; вооружить танковые полки мехкорпусов, в которых не хватало танков, противотанковой артиллерией; завершить переход на новую организацию авиационного тыла, автономную от боевых частей; сосредоточить

войска округов в приграничных районах; замаскировать аэродромы и боевую технику.

Одновременно завершалось сосредоточение и развертывание второго стратегического эшелона Красной Армии <...>.

<...> Как следует из известных материалов. Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее 15 июля 1941 г. Вместе с тем выяснение вопроса о запланированной дате советского нападения на Германию требует дальнейших исследований с привлечением нового документального материала.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении историков документы советского военного планирования 1940–1941 гг. позволяют критически отнестись к традиционной официальной версии об оборонительных намерениях советского руководства. Эти материалы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство занималось подготовкой преимущественно наступательных военных действий против Германии и ее союзников. В течение полутора лет советский Генштаб тщательно и всесторонне разрабатывал планы нападения на Германию. Советское военное руководство не располагало сведениями о реальных военных планах Германии, хотя конфигурация советско-германской границы позволила сделать довольно точные предположения относительно направлений возможных ударов вермахта. Однако, как показывают вышеприведенные документы, никаких мер по отражению этих ударов, многие из которых были реально запланированы и проведены в жизнь германским командованием в ходе войны, подготовлено не было. Ныне военные историки вынуждены признать, что «мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не отрабатывалось». Отсутствие связи между возможным ударом врага и действиями Красной Армии опровергает версию о якобы ответном характере наступательных действий советских войск, отработке которых были посвящены военные планы.

Основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развернутых к границе войск западных приграничных округов завершит сосредоточение на ТВД сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление, нанося главный удар по Южной Польше. В течение полугода советский Генштаб занимался решением вопроса о наиболее выгодном Направлении

сосредоточения основных усилий войск в войне с Германией, поскольку советская военная наука исключительно большое внимание «уделяла правильному выбору направлению главного удара, при определении которого рекомендовалось всесторонне учитывать факторы политического, экономического, военного и географического порядка. На направлении главного удара требовалось сосредоточить основную массу Вооруженных Сил для нанесения решительного поражения противнику. Считалось, что от правильного выбора направления главного удара в большой степени зависит исход вооруженной борьбы». В результате был сделан вывод, что наступление на Юго-Западном направлении позволит решить несколько ключевых стратегических задач и обеспечит наиболее эффективные действия Красной Армии. Первое полугодие 1941 г. было посвящено тщательной отработке этого удара. Соответствующая подготовка велась на уровне военных округов. Как показывают вышеприведенные материалы, войска целеустремленно отработывали наступательные планы, обучались ведению маневренных наступательных действий. К сожалению, оперативные планы округов все еще остаются недоступными для исследователей, что не позволяет во всех деталях воссоздать оперативный замысел советского военного руководства.

<...>

Политические условия для удара по Германии со стороны СССР были достаточно благоприятными. К сожалению, Сталин, опасаясь англо-германского компромисса, как минимум на месяц отложил нападение на Германию, которое, как мы теперь знаем, было единственным шансом сорвать германское вторжение². Вероятно, это решение «является одним из основных исторических просчетов Сталина», упустившего благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране. В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление плана «Барбаросса», что в условиях неготовности Красной Армии к обороне привело к трагедии 1941 года.

<...>

